

МУЗЫКА

Фото Андрея СТЕПАНОВА

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Московские новости — 1992 — 24 мая

Гению современной музыки Софье Губайдулиной 60 лет. Без стыда признаемся мы в своем полном невежестве: да, никогда не слышали... На родине ее почти не исполняли, в «святую троицу», вместе с А.Шнитке и Э. Денисовым, включена автоматически — отступница, формалистка, авангардистка, музыкальная диссидентка...

Сейчас Софья Губайдулина живет в Германии на стипендию немецких музыкантов: Министерству культуры закупки музыкальных произведений более не по карману, а отечественные фонды Мекки и Мамонтовы пока не объявились.

Ее юбилей широко и с размахом празднует все цивилизованное человечество: во всем мире уже целый год проходят концерты, фестивали, издаются буклеты, газеты пеэстрят восторженными рецензиями.

Мы же откликнулись на событие скромным двухдневным фестивалем в Малом зале Московской консерватории. Незадолго до открытия фестиваль, можно сказать, висел на волоске и состоялся лишь благодаря бескорыстной помощи

писателя Владимира Филимонова. Бывший геолог, участник многих полярных экспедиций, Владимир Филимонов признается: «Что я терпеть не могу — так это несправедливость. Ну сколько можно, до каких пор наши гонимые таланты будут ходить с протянутой рукой?» Из личных средств он выдал организаторам фестиваля необходимую весьма солидную сумму.

На фестиваль собрались друзья и поклонники Софьи Губайдулиной. Они помогли ей заявить о себе в самые тяжелые годы. И вновь на сцене первые и постоянные исполнители ее сочинений: виолончелист Владимир Тонха, баянист Фридрих Липс, дирижер Юрий Николаевский и Марк Пекарский со

своим уникальным ансамблем ударных инструментов. Украшением фестиваля стали комментарии к исполняемым произведениям, написанные музыковедом профессором Московской консерватории Валентиной Холоповой. Она давний друг и единственный исследователь творчества Софьи Губайдулиной.

Не будем скрывать — все мы немного боимся современной музыки. Иногда она кажется бессмысленным награждением диссонансов, случайных созвучий, и нас охватывает ностальгия по мелодической красоте и гармонии Моцарта, Глинки, Шопена... XX век — век распада музыкальной материи: мелодия, гармония, то-

нальность потеряли привычную связь друг с другом. Угасла многовековая традиция, питавшая музыкальное искусство от Монтеверди до Шостаковича.

Европейский авангард 50–60-х годов стремился собрать музыку из осколков, и конструктивно безупречные узоры сочинений П. Булеза и К. Штокхаузена поразили интеллектуальным блеском и точностью расчета. Но как у Кая из «Снежной королевы» Андерсена, в сердце у мастеров авангарда царил холод, и слушатели не пожелали из уютной брамсовской Вены или из прекрасной гайдновской усадьбы перенестись в замок Снежной Королевы. Авангард заинтересовал лишь знатоков и снобов.

«Закат Европы», разрушение музыки были естественным следствием западной философии последнего столетия: трагизм, безысходность, скепсис и отчуждение разрушили веру, изгнали Бога и Любовь, без которых классическая музыка, рожденная в Храме, жить не может.

Софья Губайдулина не прельстилась модными соблазнами авангарда, а пошла своей, российской дорогой. Дорога эта предугазана еще Николаем Федоровым в его «Философии общего дела» и продолжена многими нашими мыслителями и богословами — В. Соловьевым, П. Флоренским и безмерно почитаемым Губайдулиной Николаем Бердяевым. Пафос их учения — соборное единение людей, созидание и любовь. Софья Губайдулина стала их духовным продолжателем. Не парадокс ли, что ницшеанская философия глубочайшего индивидуализма и цинизма живет в обществе цивилизованном и благополучном, а проповедь любви и милосердия родилась и существует в мире российского тоталитаризма и надругательства над личностью?

Строительство музыкального Храма Софья Губайдулина начала с первокирпичика — отдельного музыкального звука. Звук у Губайдулиной — как нерв, открыт малейшему эмоциональному давлению, даже дуновению; он то бессильно соскальзывает, то дышит как эхо, то расширяется до громовых раскатов. Фигуры, состоящие из этих звуков, невероятно активны, подвижны; разнообразие их безгранично — нет глагола, которому не нашлось бы аналога в темброворитмической палитре композитора. Все безмерное множество чувств, ощущений и движений охвачено, по выражению Валентины Холоповой, «шкалой чувствительности звука».

Рельефность музыкальной речи Губайдулиной столь велика, что программное произведение «Семь слов» превращается в зримую картину гибели Иисуса: омузыкален

каждый миг совершающейся трагедии.

Ново и неожиданно звучат и сами инструменты, их возможности расширены до предела: звуки, которые издают обыкновенные скрипки, виолончели и ударные, порой нам просто незнакомы...

Многие произведения Губайдулиной связаны с религией, которую она понимает буквально как religio — «восстановление связи». Однако религиозность Губайдулиной не баховского характера, когда в музыке раскрывается вся полнота переживаний верующей души. Как и многим композиторам XX века, Губайдулиной свойственно вневличностное начало, ее музыка крупнее, значительнее, масштабнее, чем отдельный человек. Если музыка Шостаковича повествует об историческом бытии народа, европейский авангард говорит о совершенстве и красоте мысли и формы, то Губайдулина пишет о Незримом, Невидимом и Непознаваемом.

Музыка Губайдулиной — плод строительства и созидания. Из распавшихся осколков, из звуков и пауз ее мудрость и вера воздвигли Храм во славу Творящего Духа. Пришло время собирать камни, музыка преодолела невольное стремление к распаду и разрушению, тяготевшее над нею едва ли не целый век. Началась новая эра — эра «нового классицизма», вновь обращенная к Богу и Любви, к Природе и Мирозданию. И так же, как классицизм «старый» — классицизм Гайдна, Моцарта и Бетховена, — классицизм «новый» прозрачен и прост, открыт для понимания всякого чувствующего. Наважделение элитности, все более завладевавшее музыкой со времен Вагнера, теперь наконец рассеивается. Мы можем не бояться современной музыки, пик сложности и противоречий остался позади.

Музыка — самый чуткий индикатор состояния общества, средоточие бессознательного... Рахманинов и Скрябин с их взвинченностью, беспокойством, взрывчатым темпераментом как бы сфокусировали в звуках атмосферу грядущей катастрофы. То же можно сказать и о европейской музыке перед обеими мировыми войнами.

Нынешнее же состояние русской музыки совсем иное. Свет и любовь, милосердие и гармония, гигантские силы духа и разума питают творчество наших лучших композиторов. Это добрый знак: у нас есть все основания надеяться, что грядущая эра Водолея действительно станет эрой благоденствия и процветания для нашей истрадавшейся страны. Похоже, на этот раз астрологи нас не обманывают.

Дина КИРНАРСКАЯ